

рабочий класс и современный мир

4 ● 1989

июль-август

Актуальные проблемы социализма

Капитализм и классы

Историческое сознание
и политическая культура

рабочий класс и современный мир

23
2850

Институт
международного
рабочего движения
научный и общественно-
политический журнал
выходит с 1971 г.
Выходит 6 раз в год
№ 4 (112) 1989
Июль — АВГУСТ
Издана Трудового
национального Знамени
Издательство
«Прогресс» Москва

СОДЕРЖАНИЕ

С. Н. Надель. Современный капитализм и классы	3
В. Б. Иорданский. Азия и Африка: этнические конгломераты и особенности их структуры	23
МИР ТРУДА И СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (материалы международного научного семинара)	35
В. М. Фалин (СССР). Вступительное слово.— 36. Томас Майер (ФРГ). О программных дискуссиях в социал-демократическом движении.— 38. Ю. А. Красин (СССР). II Интернационал: наследие прошлого — на службу будущему.— 41. Эрикум Манже (Бельгия). Обновление социализма и рабочее движение.— 47. Т. Т. Тимофеев (СССР). Некоторые проблемы развития солидарности трудящихся.— 51. Джузеппе Тамбуррано (Италия). История рабочего движения и проблемы сегодняшнего дня.— 57. Чжао Минъи (КНР). Место и роль рабочего класса в строительстве социализма и реформе.— 60.	
В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА	
А. М. Румянцев. К обновлению социализма	66
М. Ю. Урнов. Насколько мы готовы к демократии?	75
ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	
Историческое сознание в современной политической культуре (Материалы «круглого стола»)	92
МИР ТРУДА	
Н. С. Ветрова. Реальная цена благотворительности (О социальной политике правительства США)	110
ПРОФСОЮЗЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Э. В. Молодякова. Весенние наступления: тенденции развития	122
ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ	
В. И. Гадяцкий. Почему произошел откат революции?	131
Е. Н. Стариков. Маргиналы и маргинальность в советском обществе	142
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Е. А. Самарская. Второй Интернационал: революционные надежды и иллюзии	156

Библиотечка
Ленинская
09 1989 акт 732

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Э. В. Клопов. Некоторые уроки Бухарина . . . . .
Л. Д. Митева. Принцип социальной справедливости «за» и «против» . . . . .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Ермаков, А. К. Назимова. В центре динамики социализма . . . . .
Г. А. Данишевская. Энергия стачки . . . . .

КОРОТКО О КНИГАХ . . . . .
Содержание на английском языке . . . . .

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

Читайте в следующих номерах:

Коммунитаризм и изменения в системе ценностей американского общества

Консерваторы в оппозиции: испанский вариант

Опыт социального планирования на промышленных предприятиях стран в 60—70-х годах

К эволюции ленинской национальной программы

Редакционная коллегия:

И. К. ПАНТИН (главный редактор), С. И. ВАСИЛЬЦОВ,
А. Б. ВЕБЕР, А. И. ВОЛКОВ, А. И. ВОРОНИН (отв. секретарь),
А. А. ГАЛКИН, М. О. КАРАМАНОВ, Э. В. КЛОПОВ,
Б. И. КОВАЛЬ, Ю. А. КРАСИН, В. Ф. ЛИ, В. И. МАРЦИН-
КЕВИЧ, М. Ф. НАШАШЕВ, Э. Е. ОБМИНСКИЙ, М. П. ПАВ-
ЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ, С. В. ПАТРУШЕВ, В. Б. РЫБАКОВ,
В. И. СТЕПАНОВ, Ю. В. ШИШКОВ, А. Э. ЭКШТЕЙН (зам.
главного редактора), Г. И. ЯНАЕВ.

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

Е. А. Самарская

Прошло сто лет со времени Парижского конгресса, который в 1889 г. основал Второй Интернационал. Продолжавшаяся четверть века история этого международного объединения социалистических партий драматична. Создание Интернационала произошло в обстановке подъема рабочего движения в европейских странах, революционных надежд. Тогда казалось, что близится разрешение социального вопроса, этого, по словам А. Бебеля, «кардинального вопроса века». Распад организации в 1914 г. символизировал завершение целой эпохи международного социалистического движения, показал необходимость его идейно-политической переориентации.

Без всестороннего научного анализа деятельности Второго Интернационала не может быть воссоздана полная картина рабочего и социалистического движения, так же как и истории марксизма. В рамках этой организации действовали такие видные теоретики марксистского социализма, как П. Лафарг, А. Бебель, Ф. Меринг, К. Каутский, Г. В. Плеханов, Р. Люксембург, А. Лабриола и др. В ее идейно-политической атмосфере складывался первоначально и ленинизм, развившийся затем в новую форму революционного марксизма.

Вековой юбилей Интернационала обостряет у историков чувство неоплаченного долга, так как не одно десятилетие исследования связанных с ним теорий и его практики в нашей стране были закрыты. Царила догма о целиком оппортунистическом характере данной организации, ее «псевдомарксистской» и противостоящей ленинизму идеологии. Лишь в начале 60-х гг. появились у нас первые серьезные работы по истории Интернационала, за ними и другие, в которых возрождались ленинские принципы подхода к ней (см. 4, 6, 7, 13, 14, 23, 24, 26).

Думая о перспективах исследований в данной области, нельзя не остановиться на вопросах методологии. В первом номере «РК и СМ» за этот год опубликована статья Р. Я. Евзерова «Исторический опыт Второго Интернационала и современность». Развивает сходные идеи и И. М. Кривогуз. Оба автора справедливо видят в истории Интернационала опыт сотрудничества представителей революционного марксизма и реформистского социализма, поучительный для нашего времени. Понятна и в целом оправданна политическая направленность такого подхода. Обращение к указанной истории может сыграть свою роль в поиске путей единства современного рабочего движения. Но возражение вызывает даваемая при этом характеристика ленинизма как одного (и только) из течений Второго Интернационала. Не значит ли это перегибать палку в другую сторону, предлагая взамен бытовавшего ранее резкого противопоставления идейных традиций Второго Интернационала и ленинизма их отождествление? Дело даже не столько в том, что реальные их взаимосвязи намного сложнее однозначной модели противостояния или тождества. Критикуемый подход имплицитно содержит представление о «марксизме вообще» как статичном идеологическом образовании. Подобное представление, на наш взгляд, не может не блокировать научные исследования. С указанных позиций несостоятельной

выглядит сама постановка вопроса об исторических формах марксизма, например об отличии марксизма Второго Интернационала от марксизма Маркса, с одной стороны, и марксизма Ленина — с другой. Между тем все идеологии, если они живут, «работают» на практику, неизбежно должны принимать разные исторические формы. И чтобы признать это, не нужно вникать в сложности терменевтики. Разница эпох, их социально-экономического и культурного контекстов, политической практики, так же как различия индивидуальностей теоретиков придает той или иной форме марксизма своеобразие, конкретно-исторический характер. Эпоха Второго Интернационала особенно интересна в этом плане. Она дает возможность проследить развитие своеобразной формы революционного — так называемого «ортодоксального» — марксизма, выявить ее достоинства и слабости, причины ее поражения в переломный период начала века, поражения, которое явилось как бы прологом к созданию новой формы революционного марксизма — ленинизма, имевшей с прежней, бесспорно, глубинное сходство, но и принципиальное от нее отличие. Конечно, такие обобщения в известной мере схематичны, но они необходимы как в познавательных целях, так и для обновления теории, которое невозможно без стремления отделить устойчивое ядро от временных образований, заблуждений и иллюзий.

Тут мы подошли к задаче статьи — показать своеобразие формы революционного марксизма во Втором Интернационале и ее эволюцию. Внешне эта эволюция выглядит следующим образом: революционный марксизм доминировал в идеологии Интернационала в 90-е годы XIX в., в конце 90-х годов он начал постепенно уступать место реформизму. Влияние последнего к периоду первой мировой войны становится преобладающим, вплоть до того, что на позиции реформизма переходит крупнейший теоретик марксизма того времени — Карл Каутский. Разумеется, картина будет неполной, если не упомянуть о группах, сохранивших революционность и после перехода большинства в социал-демократических партиях к реформизму. Это немецкие и голландские левые, большевики, болгарские тесняки и некоторые другие.

Современные либеральные и правосоциалистические историки (Г. Лихтгейм, М. Сальвадори, Ю. Браунталь, Н. Лезер, Л. Колаковский и др.) при изложении указанной эволюции делают ударение на победе реформизма, однозначно оценивая ее как окончательное поражение революционного марксизма, как переход социал-демократии от утративших жизненное содержание революционных догм на позиции политического реализма, гуманизма, общечеловеческих ценностей. Правомерной стороной такого подхода можно считать саму постановку вопроса об объективном смысле поворота социал-демократии к реформизму. Известно, что в нашей историографии этот поворот рассматривался обычно как результат субъективной эволюции тех или иных теоретиков, их «измены» пролетариату. Слабость указанного подхода — в недооценке исторической силы традиций революционного марксизма.

В центре внимания левосоциалистических историков Второго Интернационала (Г. Гаупт, Ф. Андреуччи, О. Негт, Л. Колетти и др.) также находится его поворот к реформизму. Но эти авторы уделяют значительное место доказательствам вульгаризации, обеднения марксизма в Интернационале, делая исключение лишь для некоторых идей Р. Люксембург, А. Паннекука, австромарксистов. Принципиальная новизна ленинизма при этом отвергается, он оценивается, подобно каутскианству, как вульгаризация марксизма. Только в настоящее время и только на Западе началось, по мнению указанных авторов, возрождение революционного марксизма.

* * *

Развиваемая в статье точка зрения на судьбу революционного марксизма во Втором Интернационале вкратце заключается в том, что к началу первой

мировой войны выявилась слабость некоторых теоретических и политических позиций данного течения. Эта слабость сыграла свою роль в победах реформизма и обострила необходимость выработки революционного мировоззрения, адекватного новым историческим реалиям. Но прежде чем приступить к непосредственному изложению темы, сделаем небольшое отступление, которое, быть может, позволит рельефнее представить особенности ортодоксального марксизма.

Социализм молодого Маркса имел яркую философскую окраску. Социалистические задачи он осмысливал в понятиях классической немецкой философии, особенно связанных с идеей отчуждения. На первый план в будущих социалистических преобразованиях Марксом была поставлена система межчеловеческих отношений, ликвидация в ней отчужденно-вещных опосредований. При выдвигании человеческой личности как центра и смысла истории экономические преобразования как бы включались в контекст этой перестройки гуманистической сферы. Ниже мы увидим, какой контраст с идеями ортодоксов представляло, например, следующее определение коммунизма молодым Марксом: это — «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между свободой и необходимостью. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» (22). Здесь сильно выражена мысль об «общечеловеческой эмансипации», хотя, безусловно, социализм даже молодого Маркса имел четко пролетарский характер. Когда позже этот мыслитель занялся вопросами политической экономии капитализма и реального рабочего движения, философско-гуманистическая доминанта его социализма не исчезла. Можно сослаться, например, на теорию товарного фетишизма. Во всяком случае, отталкиваясь именно от нее, Г. Лукач пришел к определению социализма как движения к «полноте человеческого бытия».

Философы традиционно проводят различие между марксизмом Маркса и, например, Каутского, Плеханова (см. 23). Наша цель — проследить особенности ортодоксального мышления на материале революционно-стратегических принципов, точнее, тех из них, которые находятся на стыке философии истории и социалистической стратегии. Неверно было бы видеть в принципах ортодоксов лишь отступление от классического марксизма. Сам Маркс заложил в «Коммунистическом Манифесте» «несущие конструкции» той социалистической стратегии, которая стала догмой у ортодоксов. «Манифест», «Нищета философии», «Капитал» — вот те работы, через которые вошли в умы ортодоксов однолинейная схема исторического движения, лежащая в основе их жесткого прогрессизма, вера в строгую последовательность смены общественно-экономических формаций, в заданность исторических ролей социальных классов. Ортодоксы выбрали из наследия Маркса идеи, которые наиболее соответствовали потребностям массового европейского социалистического движения конца XIX в.

Особенности философско-стратегического мышления ортодоксов были в определенной мере обусловлены факторами внешними, лежащими за пределами истории идей. Свою роль сыграли причины временного, регионального порядка, уровень тогдашнего социалистического движения. Важно учесть, что Интернационал был по преимуществу организацией европейского социализма, причем доминирующую роль в нем играли немецкая и французская партии. В XX в. эта организация распространила свое влияние на некоторые неевропейские регионы, но в целом ее стратегические установки были ориентированы на условия европейских, даже уже — западноевропейских стран. В. И. Ленин не раз отмечал угасание в этот период в Западной Европе массовых демократических движений (см., например, 16). Центр мирового революционного движения перемещался к Востоку.

Может быть, именно с конкретно-историческим и географическим контек-

стом деятельности Интернационала связаны важные черты ортодоксального мышления. В их числе, во-первых, жесткая увязка социалистической перспективы с линией капиталистического прогресса. Это создавало своеобразную атмосферу поклонения «капиталистически-индустриальному» развитию (18). Плеханов, например, считал образцом для социалиста позицию Бебеля, который на Бреславльском съезде СДПГ (1895 г.) сказал, что, оценивая какие-либо практические требования своей партии, он прежде всего спрашивает себя, «помешает ли оно дальнейшему развитию капитализма, и если убеждается, что помешает, то отвергает его как несогласное с духом социал-демократии» (25, с. 23—24). Во-вторых, ортодоксы отличали экономизм, акцент на экономических условиях подготовки социализма, идея предстоящего экономического обоснования социализма, которые занимали так много места в социализме Маркса, у ортодоксов отодвигаются на последний план, если не исчезают вовсе. В-третьих, их увриеризм был более сильным, чем у Маркса. Стоит в этой связи вспомнить о внимании, которое он уделял «общечеловеческой эмансипации» как задаче социализма. Или об идее непрерывной революции, союза пролетариата и демократических слоев, идее, о которой ортодоксы редко вспоминали, хотя она занимала важное место в революционной теории Маркса и была развита Лениным.

В оформлении ортодоксального марксизма сыграло, видимо, свою роль превращение марксизма в официальную партийную идеологию, слияние его с массовым рабочим движением. Эту идею основательно разработали левые социалисты (Гаупт, Андреуччи, Негт и др.), они связывают с идеологизацией марксизма его философское обеднение, упрощение, схематизацию. Так, Негт в одной из своих статей (см. 8) сопоставляет Марксово определение свободы как самовыражения личности с определением Энгельса («свобода — осознанная необходимость») и высказывает довольно убедительное предположение, что упрощение Энгельса вызывалось необходимостью популяризировать марксизм. Аналогичную обработку — в объективистско-фаталистическом духе — прошли в мышлении ортодоксов философско-исторические положения Маркса, лежащие в основе социалистической стратегии, — о перспективах капитализма, о природе социализма и др.

Нередко утверждают, что ортодоксы утратили диалектику Маркса. Это неточно. Они унаследовали от Маркса пронизанную диалектикой идею и общий способ доказательства неизбежной гибели капитализма, концентрировали свое внимание не на «сущем», а на переходе от него к «должному», на революционном отрицании капитализма. Но диалектика Маркса ими объективизировалась и догматизировалась. Впрочем, дело не обошлось без исключений. Роза Люксембург подчеркивала идеи Маркса об историческом творчестве масс, о праве масс на ошибки и самостоятельное изживание их, об альтернативах истории.

Образцами мышления ортодоксов Второго Интернационала могут служить Эрфуртская программа, принятая немецкой социал-демократией в 1891 г., и «Комментарий» к ней Каутского. Главный пафос этих документов, оказавших сильнейшее влияние на программные установки всех партий Интернационала, заключался в доказательстве неизбежности социализма. Это достигалось прежде всего с помощью экономических аргументов. Каутский фиксировал внимание на происходивших тогда процессах концентрации производства и собственности. Они, по его мнению, выражали тенденцию к созданию «одного-единственного чудовищного предприятия» (10, с. 85) и тем самым к самоупразднению основ капиталистической частной собственности и товарного производства вообще. Для доказательства бесперспективности капитализма Каутский использовал также аргумент об отделении собственности от производства. Речь шла конкретно о том, что в акционерных обществах функция распоряжения производством переходила от непосредственных собственников к админи-

страторам. Это, с точки зрения автора «Комментария», и означало исчерпание полезных функций частной собственности вообще. Ссылаясь вдобавок на экономические кризисы, причину которых Каутский видел в анархии капиталистического производства и недостаточности рынков сбыта, он делал вывод: «Капиталистическое общество начинает задыхаться в своем собственном изобилии; оно становится все менее способным выдерживать полное развитие производительных сил, которые оно само создало. Чтобы оно не расплозлось по всем швам, все больше производительных сил должно оставаться без употребления, все больше продуктов расточаться бесполезно» (10, с. 85).

Аналогичные тенденции отмечал Каутский и в сельском хозяйстве. Правда, в конце 90-х годов он написал работу, в которой отмечал специфику его эволюции по сравнению с промышленностью, перечислял причины, замедляющие концентрацию производства в данной области. Но социалистическую перспективу Каутский и здесь связывал с процессами концентрации производства и собственности. П. Лафарг и Ж. Гед в конце 80-х годов, ссылаясь на распространение арендаторства в сельском хозяйстве, также доказывали исчерпание полезных функций частной собственности (15, т. 1, с. 225).

Аргументы ортодоксов кажутся сегодня наивными и односторонними. К сожалению, они не смогли понять, что описываемые ими экономические процессы, хотя и сопровождалась кризисными явлениями, означали приспособление капитализма к новому уровню производства. Далее, упрощенно представлялась эволюция капитализма — как беспредельная концентрация производства и сокращение собственников до «одного» человека. Идею насчет «одного-единственного чудовищного предприятия» Ленин уже в начале XX в. считал утопией. А наше время свидетельствует, что, хотя обобществление производства достигло в капиталистическом обществе колоссальных размеров, оно, по-видимому, так же далеко от завершения, как и тогда. Ортодоксы ошибочно полагали, что устранение собственника из процесса производства (акционерные общества) означает лишь исчерпание экономического потенциала частной собственности. В действительности происходила ее модификация. Как мы видим, аргументация ортодоксов — почти исключительно экономического свойства. Каутский, правда, писал в «Комментарии» о роли классовой борьбы в осуществлении социализма, но она для него была лишь средством реализации перспектив, уже заложенных в самом экономическом развитии.

Ортодоксы весьма однозначно оценивали историческую роль классов — соответственно месту, занимаемому тем или иным из них в жесткой схеме исторического прогресса. Крестьянство воспринималось как класс, связанный с отживающими экономическими условиями и потому консервативный, чуждый социализму (см. 10, с. 169). Только отказавшись от своих классовых интересов и перейдя на позиции пролетариата, крестьянин мог, по мнению ортодоксов, прийти к солидарности с социализмом. Аграрная программа СДПГ включала требования общекультурного, гуманистического и общедемократического порядка, но исключала возможность защиты интересов крестьян как производителей. Такая защита приравнивалась к попытке задержать экономический прогресс, к «реакционной утопии». Отчасти подобное отношение к крестьянству определялось, как было отмечено выше, объективными условиями западноевропейских стран конца XIX в., угасанием в них массовых демократических движений.

Ортодоксы восприняли у классиков марксизма и развивали положения о социалистическом призвании пролетариата. Но в рамках объективистско-прогрессистского мировоззрения возникали преувеличенные представления на этот счет, вера в почти стихийную, какую-то врожденную социалистичность пролетариата, порой мысленно стирались даже границы между ним и социал-демократией. Каутский доказывал в «Комментарии»: социал-демократия — «не что иное, как сознательная часть борющегося пролетариата; борющийся

пролетариат обнаруживает все более тенденцию отождествляться с социал-демократией; в Германии и Англии мы фактически имеем слияние их воедино» (10, с. 199). Схожие мысли можно встретить у Лафарга (15, т. 11, с. 31). Соответственно Каутский недооценивал значение формирования «рабочей аристократии», ошибочно считал ее временным явлением, которое будет уничтожено дальнейшей механизацией производства. Преувеличивая зрелость интернационализма пролетариев, он утверждал, что для рабочих в настоящее время имеет значение только «тенденция к тесному международному сплочению, тенденция же к национальной замкнутости и национальной борьбе утрачивает в их рядах всякое значение» (10, с. 224).

* * *

Первыми сигналами теоретического и политического неблагополучия в ортодоксальном марксизме явились выступления Э. Бернштейна. В 1896—1898 годах он публикует серию статей под общим названием «Проблемы социализма», а в 1899 г. выходит его книга «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В них были выражены принципы сильной уже к тому времени во Втором Интернационале практики реформистского социализма, представленного такими именами, как Давид, Фольмар, Шиппель, Мильеран, Жорес, Вандервельде и др. Идеи Бернштейна встретили в тот период отпор со стороны Бебеля, Каутского, Р. Люксембург, Плеханова, Ан. Лабриолы. Однако это была лишь первая схватка ортодоксального марксизма с реформизмом, она возвещала будущие их столкновения, гораздо более сильные.

Бернштейн попытался опровергнуть идеи и стратегические принципы революционного марксизма с помощью анализа явлений, характерных для капитализма конца прошлого века. Одни из них (кредит, акционерные общества, мировой рынок) были известны ортодоксам. Более того, экономическую сущность этих явлений в общих чертах проанализировал уже Маркс. Другие (сохранение в условиях развивающейся концентрации мелких и средних предприятий в промышленности и особенно в сельском хозяйстве, растущая дифференциация социальной структуры) хотя и были известны, но не были осмыслены с позиций революционного марксизма.

Упомянутые явления Бернштейн интерпретировал в противоположном революционному марксизму духе, формулируя на их основании вывод о приспособлении капитализма к условиям технически развитого и концентрированного производства. Если ортодоксы, доказывая неизбежность гибели капитализма, делали упор на концентрации производства и собственности, в частности в акционерной форме, то Бернштейн писал, что, во-первых, последняя «допускает весьма обширное дробление концентрировавшегося капитала» (2, с. 98) и, во-вторых, концентрация сочетается с постоянным образованием мелких и средних предприятий в промышленности и особенно в сельском хозяйстве.

Если ортодоксы предсказывали наступление масштабных и затяжных кризисов вследствие анархии капиталистического производства, то Бернштейн подчеркивал, что картели, кредит, мировой рынок смягчают кризисы и означают развитие регулирующих начал в экономике. Ортодоксы верили, что дело идет к поляризации классов в капиталистическом обществе и превращению пролетариата в большинство населения, резко противостоящее имущему меньшинству, Бернштейн же указывал на растущее расслоение населения и самого пролетариата — по доходам, образу жизни, социально-политической ориентации. Ретроспективные оценки немногого стоят, но все же нельзя не отметить, что Бернштейн вернее, чем ортодоксы, понимал тогдашнее переходное состояние капиталистической экономики, хотя он, конечно, недооценивал возможность кризисных ситуаций в новых условиях производства.

Бернштейн не только отверг идеи ортодоксов относительно содержания экономического прогресса, но выступил вообще против примата экономической необходимости в объяснении истории и теоретическом обосновании социализма. По его убеждению, экономизм был характерным для самого Маркса (назывались в этой связи «Капитал» и «Предисловие» 1859 г. к «Критике политической экономии») и отходить от него начал лишь Энгельс в письмах 90-х годов. Бернштейн, однако, был неточен в оценке классического марксизма. Он не знал «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», не обращался к более поздним рукописям Маркса по критике политической экономии и потому недооценил изначально присущую марксизму ценностно-гуманистическую ориентацию. И хотя целил Бернштейн в Маркса, но попал он скорее в ортодоксов конца XIX — начала XX в.

Бернштейн подчеркивал значение правовых, моральных, идеологических факторов при переходе к социализму. Зачем, писал он, «выводить социализм из экономического принуждения? Зачем уменьшать значение предусмотрительности людей, их правового сознания, воли? Все это я считаю лишним и ненужным. Уже теперь общество делает многое не потому, что это абсолютно необходимо, а потому, что это лучше. И в социалистическом движении правовое сознание, стремление к справедливым отношениям является по меньшей мере столь же деятельным фактором, как и материальная нужда» (3). Представление о «материальной нужде» не тождественно экономической необходимости, как ее понимали ортодоксы. Бернштейн отрицал неизбежность крушения капитализма и всякую связь наступления социализма с этим крушением. Социализм вытекает не из крушения капитализма под влиянием развития производительных сил и не сводится к замене частной собственности общественной. Путь к социализму — это поиск новых, более совершенных форм организации производства, адекватных социализму, удовлетворяющих его нравственным идеалам и способствующих лучшему удовлетворению материальных потребностей людей, чем капиталистическое производство. Цель социалистического движения — поиск «товарищеских» форм производства, который должен осуществляться в условиях мирного развития капиталистической экономики и политической демократии.

Критику экономизма Бернштейн дополнял критикой увриеризма и «бланкизма». Под последним он имел в виду идею революционного захвата власти пролетариатом как отправного пункта социалистических преобразований. Содержательная бедность экономизма, сводившего победу социализма к установлению общественной собственности, имела естественным результатом «бланкизм», веру в чудодейственную роль насилия, политического переворота в обществе. Знаменитое высказывание Бернштейна насчет конечной цели социалистического движения — она «ничто, а движение всё» (2, с. 326) — резюмирует его негативное отношение к социалистической стратегии, ориентирующейся прежде всего на революционный захват власти. Антитезу такой стратегии Бернштейн видел в повседневной будничной работе по социалистическому реформированию всех сторон жизни общества.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько верно понял Бернштейн диалектику Маркса и насколько оправданны упреки в «бланкизме» в адрес основателей научного коммунизма, отметим, что применительно к ортодоксам его критика содержала рациональное зерно. Действительно, они наивно верили во всемогущество, самодостаточность при переходе к социализму таких мер, как революционный захват власти пролетариатом и обобществление собственности. Ортодоксы мало думали о путях последующего движения общества, забыли даже то, что было в этом отношении у Маркса (учение о двух фазах коммунизма), игнорировали проблемы переходного к социализму периода.

Как же ответили Бернштейну ортодоксы? О Каутском у нас нередко писали как о человеке, который «слишком мягко» отнесся к ревизионизму Бернштейна.

ибо его собственная трактовка марксизма была сродни бернштейнианскому эволюционизму. Между тем (хотя, действительно, в мягкой форме) Каутский противопоставил Бернштейну тезисы революционного марксизма по всем дискуссионным вопросам. Из числа критиков Бернштейна он, пожалуй, наиболее серьезно отнесся к эмпирическим данным, которыми манипулировали ревизионисты. В то же время ответы Каутского были подчас легковесными, он ограничивался простым отрицанием новых проблем, на которые указывал Бернштейн. Особенно это относилось к мировоззренческим вопросам.

Если Бернштейн доказывал ограниченность экономизма, то Каутский просто вновь подтверждал свою приверженность к нему и в соответствующем духе интерпретировал работы Маркса и Энгельса, признавая, что, согласно этим работам, на историю влияют не только экономические, но и внеэкономические факторы — право, мораль. Но последние якобы могут быть сведены к экономике, представляют собой простой «продукт» предшествующих способов производства (11).

Бернштейн доказывал, что идея экономического краха капитализма основывалась у Маркса на диалектике, а не на фактах, что хозяйственные реалии свидетельствуют против этой идеи. Каутский же стремился сохранить идею краха, но избежать примитивизма в ее трактовке. По существу, он подменял предмет спора, упрекая Бернштейна в том, что тот приписал классикам марксизма и СДПГ идею «автоматического краха» капитализма. И Каутский доказывал, что у них такого представления не было, что они признавали роль классовой борьбы в крушении капитализма и т. д. Но Бернштейн оспаривал не идею «автоматического» краха, а просто идею краха капитализма в силу экономических причин. Достаточно, например, почитать работу Р. Люксембург «Социальная реформа или революция», чтобы убедиться: идея краха была действительно в арсенале ортодоксального марксизма. Высказывания самого Каутского о крахе противоречивы. Он то предсказывает неизбежность «хронического кризиса» капитализма вследствие истощения возможностей рынка, то заявляет, что границ расширения рынка нет, и связывает гибель капитализма скорее с классовой борьбой.

Р. Люксембург ответила Бернштейну брошюрой «Социальная реформа или революция» (1989 г.). Это произведение представляет собой яркий образец диалектического рационализма и революционности. В трактовке экономических явлений капитализма его автор стремится стать на точку зрения «целого». Р. Люксембург упрекает Бернштейна в том, что он вырывает из действительности отдельные факты и на них строит заключения о перспективах капитализма. По ее мнению, напротив, факты надо рассматривать в целом, в контексте эволюции капитализма со всеми его противоречиями. И если с этой точки зрения подойти к фактам, упоминаемым Бернштейном, то окажется, что они имеют другой смысл. Так, картели, кредит, мировой рынок не смягчают кризисы, а только подготавливают новые, более масштабные и разрушительные. «Приспособление» капитализма к новым условиям оказывается, таким образом, невозможным, а крах неизбежным. Автор брошюры защищает идею «общего краха» капитализма по мере развития последнего, «всеобщего экономического краха» (19, с. 16, 17).

Однако манера вести спор с Бернштейном лишь на уровне абстрактного «целого» подчас лишает доказательства Р. Люксембург убедительности. Она делает необоснованные конкретные прогнозы, например о том, что регулирование капиталистической экономики с помощью картелей — временное явление, что картели распадутся при первых же экономических трудностях капитализма. Французский марксист Ж. Бадья отмечал, что слабости экономической аргументации Р. Люксембург происходили из ее стремления держаться исключительно в сфере абстракций, в то время как Бернштейн оперировал на эмпирическом уровне (1).

К политическим проблемам Р. Люксембург также подходила с точки зрения неизбежного краха капиталистического общества. Исходя из этой идеи, она проводила резкое разграничение между реформистской деятельностью (сфера эмпирии, непосредственных интересов трудящихся) и революционной деятельностью социал-демократии, ориентированной на тотальный переворот в обществе. В отличие от Бернштейна, Р. Люксембург оценивала первую из указанных двух форм деятельности негативно, как несоциалистическую, утопическую, воспитывающую корпоративный дух у пролетариев и потому реакционную. Главным для рабочего движения она считала революционное воспитание его участников с целью осуществления социалистического переворота. Ссылаясь на развитие милитаризма и колониализма, Р. Люксембург подчеркивала классовый характер буржуазной демократии и делала вывод, что эта демократия развивается по нисходящей. Если Бернштейн считал буржуазную демократию условием движения к социализму, то Р. Люксембург утверждала обратное: «Не судьба социалистического движения зависит от буржуазной демократии, а, наоборот, участь демократического движения зависит всецело от социалистического движения» (19, с. 68).

Подход к истории с точки зрения развивающейся тотальности свидетельствовал о диалектичности мышления Р. Люксембург. У понятий «тотальность» и «тоталитаризм» недаром один общий корень, позиция тотальности нередко оборачивается теоретическим произволом в отношении фактов. Действительно, для Р. Люксембург в полемике с Бернштейном характерна отстраненность от фактов, нежелание учитывать те из них, которые не укладываются, например, в простую схему неизбежного краха капитализма. Из всех ортодоксов она наиболее диалектична, но и наиболее догматична. Позже, когда Р. Люксембург встанет на сторону стихийного движения масс против диктата «вождей», она начнет бережнее относиться к сфере конкретного, чем в этой своей работе против Бернштейна.

Главное при разработке революционной стратегии — верное соотношение теоретических абстракций и фактов в их совокупности. Ортодоксы в полемике с Бернштейном не смогли найти такого соотношения. Бернштейн сигнализировал об определенных социально-экономических изменениях в капиталистическом обществе, об его адаптации к условиям высокоразвитого производства. Ортодоксы отвергли саму возможность такой адаптации капитализма, не сделали поэтому никаких теоретических выводов и не смогли существенно изменить социалистическую стратегию.

* * *

Теоретические трудности ортодоксального марксизма Второго Интернационала выявила с силой первая российская революция. Ортодоксы ее с энтузиазмом приветствовали, надеялись на оживление западноевропейского революционного движения. Революция, действительно, сильно повлияла на социально-политические процессы и на Западе, и на Востоке. Но это влияние включало и нечто неожиданное. Именно во время революции (или вскоре после нее) такие крупные теоретики ортодоксального марксизма, как Каутский и Плеханов, эволюционировали вправо. Обнаружилось, что ортодоксы не смогли теоретически освоить революционные реалии России и вообще Востока.

Любопытна трактовка революции 1905 г. со стороны Р. Люксембург, которая из всех западных марксистов наиболее горячо на нее реагировала. Как и все ортодоксы, она считала эту революцию буржуазной, но отличной от буржуазных революций Запада. Отличие же виделось ей в том, что революция в России по средствам и методам борьбы была пролетарской, что пролетариат выступил в качестве ее главной движущей силы. Когда заходила речь об уровне культур-

ного и политического развития пролетариата в России, она доказывала, что этот уровень почти такой же, как у немецких рабочих.

Главный урок, который Р. Люксембург извлекла из российской революции и пропагандировала на Западе при поддержке К. Либкнехта и К. Цеткин, относился к формам политической борьбы пролетариата (всеобщая забастовка). Свою мысль о мировом значении революции 1905 г. она выразила в следующих словах: «В специальных политических условиях России русская революция реализует, таким образом, общие результаты мирового капиталистического развития и является скорее предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций. Самая отсталая страна, именно потому что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и самых передовых капиталистических стран» (20). Как можно видеть, Р. Люксембург европеизировала эту революцию и ее условия, чрезмерно сближала условия и перспективы России и Западной Европы.

Непосредственно в период революции Каутский также считал, что она представляет собой «совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического обществ, способствующий ликвидации первого, подготавливающий условия для образования второго и, во всяком случае, дающий могучий толчок всему прогрессивному развитию капиталистической цивилизации» (12). Но после завершения революции этот теоретик начал оценивать ее как обычную буржуазную революцию, как этап, через который должна была пройти Россия, чтобы расчистить себе дорогу к капиталистическому развитию. В 1914 г. Каутский делает вывод, что революционный потенциал России исчерпан. «В русских делах, — признается он в одном письме, — я уже не настроен так уверенно, как до 1905 г. Тогда я ожидал, что революция в России произойдет раньше, чем в Западной Европе. Сейчас дело обстоит иначе и именно потому, что, по моему мнению, первая революция прошла не бесследно. Она толкнула Россию из Азии в Европу. Но как раз вследствие этого я считаю отныне самостоятельную русскую революцию не то чтобы невозможной — это было бы слишком категорично, — но едва ли вероятной» (17). В контексте такой ретроспекции он решительно выступал против стремления Р. Люксембург перенести в Германию опыт массовых пролетарских забастовок. Она писала в этой связи, что Каутский противопоставляет формы революционного движения в России и Западной Европе и стремится представить массовую забастовку как простой продукт экономической и политической отсталости России.

Плеханов был близок в оценке российской революции к более позднему Каутскому, видел в ней, с некоторыми отличиями, повторение буржуазных революций Запада. Приверженность к западным схемам исторического прогресса мешала Плеханову ориентироваться в событиях 1905—1907 гг., выработать верную позицию в отношении к крестьянству. Именно это было одной из главных причин его резких расхождений с Лениным, который настаивал на революционном союзе пролетариата и крестьянства. Плеханов обвинял Ленина в эсеровских настроениях и предлагал пролетариату ориентироваться на либеральную буржуазию, Ленин же исходил из возможности взятия власти пролетариатом вместе с крестьянством; Плеханов заклинал пролетариат воздержаться от этого акта в силу его преждевременности, Ленин же говорил о перспективе непрерывной революции, которую Плеханов отрицал.

Плеханов разделял с другими ортодоксами убеждение в исторической ограниченности — добуржуазной эпохой — революционности крестьянства: «...мелкий независимый производитель есть консервативная сила буржуазного общества. Он выводится из состояния консерватизма лишь тогда, когда перестает быть независимым» (25, т. 1, с. 90). И в период революции 1905 г. этот теоретик

остался верен изложенной выше точке зрения в том плане, что резко различал антикапиталистическую направленность революционности пролетариата и антифеодальную — крестьянства. Между тем своеобразие развития России в начале XX в. радикально меняло характер взаимоотношений различных ее классов и возможности социальной революции (консервативность буржуазии, революционность крестьянства, отсутствие развитого антагонизма между крестьянством и пролетариатом, антикапиталистические интенции революции).

Напомним, что революционная социал-демократия возникла на Западе как партия индустриального пролетариата, сложилась в условиях, в которых этот последний был потенциально самой крупной революционной силой общества. В российской революции, вообще в революционном движении Востока начала века социал-демократия увидела другие массовые революционные силы — полуфеодалное крестьянство, угнетенные нации. Она оказалась перед выбором: или отложить осуществление своих программных целей до того времени, когда пролетариат станет на Востоке основной революционной силой (позиция Плеханова), или попытаться овладеть новыми для себя революционными силами, подключая их в той или иной форме и степени к решению социалистических задач, точнее, подготавливая таким путем, приближая социалистическую революцию (позиция Ленина, Р. Люксембург, Каутского в 1905 г.).

Последний выбор был связан с расширением социальной базы (прежде чисто пролетарской) социализма, с упрочением союза пролетариата и революционной демократии. Это означало в конечном счете радикальное изменение самой стратегии революционного социализма, включая ее философские основы, в том числе такие устоявшиеся принципы ортодоксии Второго Интернационала, как экономизм, однолинейный прогрессизм, увриеризм.

Наиболее законченным и развитым выражением новой формы революционного социализма стал марксизм-ленинизм. Те же представители революционной социал-демократии, которые не сумели интегрировать в социалистическое движение новые революционные силы, бурно заявившие о себе на Востоке, либо были обречены на левачкое сектанство (например, позиция Р. Люксембург в национальном вопросе), либо отодвигались вправо на политической шкале современности. Уже говорилось о том, что Плеханов в 1905 г. оказался на правом фланге российского революционного движения. При этом он ни на шаг не отошел от принципов марксистской ортодоксии, твердо верил в наступление социализма — через экономический прогресс на капиталистической основе. Но в условиях России такой подход оборачивался своеобразной апологией капиталистических порядков, означал отказ на долгое время от реализации революционной программы социализма.

* * *

Симптоматично, что чуть позже, через несколько лет после первой российской революции, начинается политическое поправление Каутского. Такой поворот признают почти все авторы, за исключением крайних левых, которые вслед за Р. Люксембург, Лукачем, Коршем утверждают, что Каутский всегда был реформистом. Напомним, что о повороте Каутского к 1910 г. говорил В. И. Ленин. Современный либеральный историк М. Сальвадори хотя и считает, что в идейной эволюции Каутский всегда оставался на почве «демократического и гуманистического» социализма, тем не менее тоже признает сдвиг этого лидера вправо к концу первого десятилетия XX в.

Каковы причины сдвига? Возможно, тут сыграло определенную роль поражение революции 1905 г. и вывод Каутского о маловероятности новой революции в России. Некоторые исследователи считают, что поправление Каутского явилось реакцией на полевение Р. Люксембург и усиление ее нападков на «вож-

дей», на «организацию», которым она противопоставляла стихийную инициативу масс. Такое заключение не кажется нам убедительным. Выступление Каутского против Р. Люксембург скорее было следствием его поправления, чем причиной. М. Сальвадори связывает поправление Каутского с тем, что он пришел к выводу о существовании больших потенциальных возможностей капитализма (9). Это более основательный, но все же неполный ответ. Ведь такой вывод сделал не один Каутский. Сознательно или бессознательно к нему пришли целые социал-демократические партии (за исключением левых группировок в них), профсоюзы.

Поправление Каутского было реакцией на изменение объективных условий и характера самого рабочего движения на Западе. Эти новые условия создавались вступлением капитализма в империалистическую стадию, расцветом колониализма и оживлением национализма, бюрократизацией социал-демократий и профсоюзов в странах Западной Европы. В целом указанные процессы привели к интеграции значительной части рабочих этих стран в капиталистическое общество, т. е. к отходу их от позиции радикального отрицания существующего строя и к принятию ими в целом капиталистических условий жизни. Таким образом, политический поворот Каутского вправо достаточно укоренен в экономической и социально-политической действительности того времени — рубежа XIX и XX вв.

Эволюция взглядов Каутского сопровождалась пересмотром им принципов революционной марксистской ортодоксии, одним из главных создателей которой он был. Уже в годы первой мировой войны Каутский отходит от идеи неизбежности экономического краха капитализма, переносит акцент с социалистической революции на демократические действия пролетариата в союзе с другими демократическими слоями. Признавалась, таким образом, правота ряда идей Бернштейна, против которых ортодоксы и сам Каутский выступили в 90-е годы прошлого века. Уже говорилось о том, что революция 1905 г. обнаружила несоответствие стратегических принципов, господствовавших во Втором Интернационале, перспективам революционного движения на Востоке. Эволюция Каутского отразила их несоответствие и объективным условиям социалистического движения на капиталистическом Западе. Революционный марксизм в той форме, которую он принял во Втором Интернационале, утрачивал свое влияние на практику международного социализма. Процесс завершился в конечном счете распадом этого объединения социалистов с началом мировой войны.

Как конкретно обстояло дело в 1914 г., хорошо известно. На конгрессах Интернационала не раз делались заявления, что надвигающаяся война, природа которой вырисовывалась ясно в международных конфликтах того времени, будет иметь империалистический характер, что она противоречит интересам пролетариата, что социалисты должны против нее бороться вплоть до революционных выступлений. Но когда война разразилась, большинство в социал-демократических партиях (за исключением РСДРП, итальянских, сербских социалистов, отдельных групп левых — Либкнехта и Р. Люксембург в Германии, А. Паннекука, Г. Гортера в Голландии) высказалось за поддержку правительственной политики в войне или заняло в отношении нее компромиссные позиции. Появились и идеологические аргументы, оправдывающие участие социалистов в войне.

Немецкие социал-демократы доказывали, что война соответствовала национальным интересам Германии (П. Ленч), что еще Маркс считал справедливой войну против России как оплота европейской реакции (Г. Гаазе). Социалисты стран Антанты оправдывали поддержку своим правительствам тем, что их страны вели якобы справедливую оборонительную войну, что интересы международной демократии требовали наказать агрессора, т. е. Германию (известная позиция Плеханова). Распространялись концепции войны как «буржуазной

революции» со следующей расстановкой главных сил: буржуазные республики (Англия, Франция, США, после Февраля 1917 г.— Россия) борются против реакционных монархий (Германии, Австро-Венгрии, Турции). В этом духе высказывался Плеханов и более развернуто — О. Бауэр. Последний аргументировал свою позицию тем, что война началась борьбой против Австро-Венгрии юго-восточных славян (Сербии), которые таким образом осуществляли свою «национальную и социальную» революцию. Вступление в войну Антанты усилило «буржуазно-революционный» аспект войны, тем более что входящие в этот союз страны оказали определенное содействие борьбе славянских народов (полякам, чехам, югославам). Итог войны, по оценке Бауэра, заключался в победе буржуазной демократии над «военно-бюрократической олигархией».

Каутский не отрицал империалистического характера войны 1914 г., точнее, он считал, что она была результатом конфликтов разной социальной природы, порожденных как капиталистическим империализмом, так и докапиталистическим (столкновение России и Австро-Венгрии), а также национальными интересами. И тем не менее, он отказался от революционно-социалистической борьбы с войной, ограничившись реформистско-демократической программой — защита права всех народов на самоопределение, требования заключения мира без аннексий, частичного разоружения и др. Эта программа была ориентирована на союз пролетариата, демократических слоев и либеральной буржуазии. Свой отход от революционно-социалистических целей сам Каутский в период войны считал временным. Он ссылаясь на то, что классовая борьба уместна во время мира, война же выдвинула вперед национальные проблемы, что это вообще неподходящее время для революций, ибо последние затрудняют защиту отечества, и т. д. Однако последующая идейно-политическая эволюция Каутского показала, что отход от революционного социализма был для него не временной тактикой, а прочным переходом на позиции реформистского социализма.

* * *

Вернемся к вопросу о причинах идейно-политической переориентации в начале века большинства в социал-демократических партиях. Если попытаться их систематизировать, то на первое место следует, видимо, поставить уже упоминавшиеся крупные перемены в экономике капитализма, приспособление его производственных отношений к колоссальному подъему производительных сил, развитию техники, концентрации производства. Все эти перемены сильно ударили по одной из ведущих идей революционной ортодоксии — неизбежности экономического краха капитализма, в какой бы форме эта идея ни трактовалась. Правда, в 1913 г. вышла в свет книга Р. Люксембург. «Накопление капитала», прямо посвященная обоснованию неизбежности экономического краха капитализма вследствие исчерпания необходимых для его развития рынков. Война в этой книге расценивалась как начало эры экономического краха капитализма. Автор ее, напомнив об альтернативе Энгельса «социализм или варварство», призвала пролетариат начать революционную борьбу за социализм. Но экономические и политические идеи Р. Люксембург не имели значительного влияния в социал-демократии. С резкой критикой «Накопления капитала» выступили Бауэр, Экштейн, Каутский и др. Гораздо большим влиянием пользовался, например, «Финансовый капитал» Гильфердинга. Автор этого труда, исследовав экономические тенденции новейшего капитализма, сделал вывод, что гибель капитализма возможна вследствие социально-классовых антагонизмов, а не его экономического краха: «Дело идет о политической и социальной, а не об экономической катастрофе — представление о последней нельзя признать рациональным представлением» (5). Работа Каутского 1915 г. «Национальное госу-

дарство, империалистическое государство и союз государств» вся основана на вере в существование исторических перспектив капитализма. Ее автор поэтому призывал вести антиимпериалистическую борьбу, «не уродуя экономического развития», не с целью преодолеть капиталистическую экономику, а чтобы исключить развитие на ее основе антидемократических политических тенденций.

Эволюция капитализма ударила и по увриеризму, по вере ортодоксов в исключительную социалистическую предопределенность пролетариата. Еще при жизни Маркса и Энгельса обнаружилась приверженность части рабочих к социальному компромиссу с капитализмом (в этом смысле Энгельс писал о «буржуазной рабочей партии» в Англии). Восприимчивость рабочих во время первой мировой войны к шовинистической и националистической пропаганде свидетельствовала о том же. Теоретики социал-демократии реагировали на эту ситуацию по-разному. Р. Люксембург продолжала настаивать на стратегии, ориентированной прежде всего на пролетариат как единственную революционную социалистическую силу, подчеркивала приоритет его социалистических интересов перед демократическими. Признав во время войны право наций на самоопределение, она социализировала эти требования, отождествляя интересы наций с классовыми интересами пролетариата (21). Напротив, Плеханов из наблюдений над поведением рабочих во время войны делал тот примечательный вывод, что пролетариату надо еще длительно работать над своим воспитанием в духе интернационализма, прежде чем приступить к социалистическим преобразованиям. Каутский, Гильфердинг и другие присоединились к руководству социал-демократических партий на платформе признания определенной общности интересов пролетариата и нации в экономической и политической областях.

Что касается отношения к собственно социалистическим преобразованиям, то в период первой мировой войны и после нее в международной социал-демократии побеждает представление о необходимости их осуществления через реформы, в рамках демократических государств, при опоре на широкие демократические слои. Речь, таким образом, шла уже не просто о солидарности пролетариата с другими слоями в решении актуальных общедемократических задач, а об отказе от принципа пролетарской исключительности в социалистической стратегии, о поиске более широкой социальной базы социализма.

Переориентация социал-демократии на позиции реформизма имела и собственно политические причины. Политическая деятельность — тот уровень, где факторы объективного и субъективного порядка взаимодействуют и переходят друг в друга. Именно на этом уровне Ленин критиковал во время войны руководство социал-демократических партий. Как известно, он говорил о психологической инерции, о неготовности вождей Интернационала порвать с привычными методами легальной деятельности, о влиянии на них идеологических схем реформизма, наконец, о бюрократизации социалистических партий и профсоюзов и связи этого явления с укреплением реформизма в рабочем движении. Также и по мнению Р. Люксембург партийная и профсоюзная бюрократия с ее стремлением сохранить свой привилегированный статус в рамках политических структур буржуазного общества была главной виновницей угасания революционного духа в этом движении.

Мы ничего не говорили о трудностях и модификациях, которые испытывал в рассматриваемый период реформистский социализм. Нашей целью было показать, что марксистская ортодоксия, существовавшая во Втором Интернационале, не смогла понять глубину и сложность проблем, с которыми столкнулось рабочее движение, дать удовлетворительные ответы на новые исторические реалии как Запада, так и Востока. Они потребовали выработки новой революционной социалистической стратегии. Но это уже другая тема, выходящая за рамки истории Второго Интернационала.

1. *Badia J.* Rosa Luxemburg, journaliste, polemistе, rеvolutionnaire. P., 1975.
2. *Бернштейн Эд.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901.
3. *Бернштейн Эд.* Очерки из истории и теории социализма. С.-Пбг., 1902, с. 282—283.
4. *Брайович С. М.* Карл Каутский — эволюция его воззрений. М., 1982.
5. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1959, с. 473.
6. *Евзеров Р. Я., Яжборовская И. С.* Роза Люксембург. М., 1974.
7. История Второго Интернационала. М., 1966.
8. История марксизма, т. 2. М., 1981.
9. Histoire du marxisme contemporain. V. I. P., 1976.
10. *Каутский К.* Эрфуртская программа. Комментарий к принципиальной части. М., 1959.
11. *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма. Антибернштейн. Москва — Петроград, 1923, с. 43.
12. *Каутский К.* Движущие силы и перспективы русской революции. М.—Л., 1921, с. 29.
13. *Кривогуз И.* Второй Интернационал. М., 1964.
14. *Клямкин И. М.* Революционный марксизм против методологии ревизионизма и центризма. Воронеж, 1988.
15. *Лафарг П.* Сочинения. М.—Л., 1928.
16. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.
17. Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М., 1970, с. 218.
18. *Loewy M.* Marxisme et romantisme revolutionnaire. P., 1979.
19. *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция. М., 1959.
20. *Люксембург Р.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Петроград, 1919, с. 63.
21. *Люксембург Р.* Кризис социал-демократии. М., 1923, с. 13 и др.
22. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 588.
23. Марксистская философия в международном рабочем движении конца XIX — начала XX века. М., 1984.
24. *Момджян Х. Н.* Поль Лафарг и философия марксизма. М., 1978.
25. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973.
26. *Чернецовский Ю. М.* Революционные марксисты против центризма. М., 1983.